

Майк
ТАЙСОН

БЕСПОЩАДНАЯ
ИСТИНА

Москва
2019

УДК 796.83:929(73)
ББК 75.713
Т14

Mike Tyson
UNDISPUTED TRUTH

Tyrannic Literary Company LLC, 2013
First published in the United States of America by Blue Rider Press, a member
of Penguin Group (USA) LLC, 2013. First Plume Printing 2014

Фотография на обложке: © Martin Schoeller

Тайсон, Майк.

Т14 Беспощадная истина / Майк Тайсон ; [пер. с англ. А. Б. Мовчан]. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с. — (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-699-85121-8

Невероятно искренняя, brutальная и драматичная автобиография Майка Тайсона. Он стал легендой мирового бокса, но его жизнь вне ринга была не менее яростной и бесшабашной, чем его бои.

В Майке Тайсоне уживаются несколько личностей — безжалостный боец и ироничный философ, осужденный преступник и бродвейский шоумен, ранимый подросток и неумный бабник... Парнишка из гетто, ставший самым молодым абсолютным чемпионом мира в тяжелой весовой категории, принявший это как должное — и так и не научившийся с этим жить. Миллионер, в одночасье оказавшийся нищим, осужденный за преступление, которое не совершал, и вышедший безнаказанным из таких передраг, которые грозили ему пожизненным заключением. Алкоголик и наркоман, сумевший обуздать своих демонов.

Он был абсолютно беспощаден к своим противникам на ринге. Он и теперь абсолютно беспощаден — к себе и к читателю. Но только такая безжалостная искренность и позволила ему примириться с самой собой, восстановить достоинство и самоуважение, обрести любовь и семью.

УДК 796.83:929(73)
ББК 75.713

ISBN 978-5-699-85121-8

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Почти все шесть недель после признания меня виновным в изнасиловании и до вынесения мне приговора я провел, разъезжая по стране и развлекаясь со своими подружками. Так я хотел проститься с ними. А когда их со мной не оказывалось, я отбивался от женщин, которые приставали ко мне. Где бы я ни появлялся, всегда находились дамы, которые могли запросто подойти ко мне и предложить: «Ну, пошли! Я не собираюсь заявлять, что ты меня изнасиловал. Можешь смело пойти со мной. Я позволю тебе даже заснять все». Уже позже я понял, что таким образом они хотели сказать мне: «Мы знаем, что ты не совершал этого». Но тогда я не воспринимал их предложения в таком ключе. Полный негодования, я отвечал резко и грубо. Я был слишком удручен, чтобы осознать, что меня просто пытались поддержать. Я был дремучим, шальным, озлобленным малым, которому предстояло еще взрослеть и взрослеть.

Некоторые причины моего гнева были все же объяснимы. Я был двадцатипятилетним пареньком, которому светило провести в тюрьме шестьдесят лет за преступление, которого он не совершал. Позвольте мне повторить то, что я уже говорил и перед большим жури, и в ходе судебного разбирательства, и при вынесении мне приговора, и на слушании дела о моем досрочном освобождении, и после того, как я вышел из тюрьмы. Я буду утверждать это до конца своих дней: я не насиловал Дезире Вашингтон. Она знает это, и Всевышний знает это, и это останется на ее совести до конца ее жизни.

Мой промоутер, Дон Кинг, уверял, что с меня будут сняты все обвинения. Он утверждал, что, не афишируя своих усилий, делает все возможное, чтобы дело развалилось. Кроме того, он нанял Винса Фуллера, по его утверждению, лучшего адвоката, которого можно приобрести за миллион. В итоге Винс оказался просто налоговым поверенным Дона. И Дон, вероятно, так и остался ему должен.

Я, однако, с самого начала знал, что не добьюсь справедливости. Ведь меня судили не в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе — суд

состоялся в Индианаполисе, штат Индиана, в одном из исторических оплотов ку-клукс-клана. Моя судья, Патриция Гиффорд, ранее в качестве прокурора специализировалась на расследовании преступлений на сексуальной почве и была известна как «судья-вешатель». Меня признал виновным суд присяжных «равного со мной социального статуса», в котором было только двое черных. Еще один черный из состава суда был освобожден судьей от своих обязанностей после пожара в гостинице, где остановились члены суда. Она отклонила его кандидатуру, мотивировав это его «психическим состоянием». О да, его психическое состояние заключалось в том, что ему не понравилась еда, которую ему подали!

На мой взгляд, по статусу мне не было равных. Я был самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса. Я был титаном, реинкарнацией Александра Македонского. Мой стиль ведения боя был стремительным, защита неуязвимой, а я сам — неудержимым и яростным. Это удивительно, как низкая самооценка и чрезмерное самомнение могут привести к мании величия. Но после судебного разбирательства этому идолу пришлось вновь притащить свою черную задницу в суд для вынесения ей приговора.

Сначала, однако, у меня была попытка некоего «божественного вмешательства». Кэлвин, мой близкий друг из Чикаго, рассказал мне об одной женщине-маге, которая знала заклинание, способное спасти меня от тюрьмы.

— Помочись в банку, положи туда пять долларовых купюр, поставь банку под кровать на три дня и затем принеси ей. Она вознесет над ней молитву за тебя, — растолковал мне Кэлвин.

— То есть ясновидящая курица собирается взять обоссанную пачку сотенных из банки, сполоснуть их и отправиться за покупками. Если тебе дадут сотенную, на которую кто-то посылал, тебе будет по фигуре? — поинтересовался я у Кэлвина. У меня, конечно, была репутация мота, но это было слишком расточительно даже для меня.

Затем приятели свели меня со жрецом вуду. Это оказался какой-то невнятный парень в костюме, не похожий даже на переодетого жреца. Этого засранца следовало бы вымазать в болотной жиже и напялить на него африканскую дашики¹. Я понял, что этот малый был пустышкой. Он даже не стал заморачиваться на ритуалах. Он просто написал какую-то ерунду на листе бумаги и попытался уломать меня на фигну, которую я не стал делать. Он хотел,

¹ Дашики — яркая рубашка в африканском стиле. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чтобы я омылся в чудодейственном масле, помолился и выпил осой водой. Но я пил, блин, божественный «Хеннесси» и не собирался разбавлять его водой.

Так что, чтобы исполнить колдовскую чушь, я остановил свой выбор на священнике религии сантерия¹. Однажды ночью мы пошли к зданию суда с голубем и яйцом. Я разбил яйцо об асфальт, выпустил птицу и прокричал: «Мы свободны!»

Несколько дней спустя я надел свой серый в тонкую полоску костюм и отправился в суд.

После того как вердикт был вынесен, моя сторона защиты от моего имени соорудила доприговорный меморандум. Это был впечатляющий документ. Доктор Джером Миллер, заместитель директора по лечебной части института Огастеса в Вирджинии и один из ведущих экспертов страны по взрослым сексуальным преступникам, изучив меня, пришел к выводу, что я «чувствительный и вдумчивый молодой человек с проблемами, которые являются, скорее, результатом дефектов развития, нежели общей патологии». Он был убежден, что при регулярных сеансах психотерапии мой долгосрочный прогноз будет достаточно благоприятным. Как он отметил в заключении, «тюремный срок замедлит процесс (психологической реабилитации. — *Примеч. ред.*) и, вероятнее всего, повернет его вспять. Я бы настоятельно рекомендовал рассмотреть иные варианты, предусматривающие как профилактические, так и терапевтические возможности». Конечно, инспекторы по надзору за исполнением наказания, которые сводили воедино документы для приговора, проигнорировали последний пункт. Зато они добросовестно включили мнение обвинения о том, что «рассмотрение данного преступления и изучение данного преступника приводит главного следователя по данному делу, опытного детектива, занимающегося расследованием преступлений на сексуальной почве, к заключению, что ответчик склонен к совершению подобных преступлений в будущем».

Мои юристы подготовили приложение, в котором было сорок восемь моих характеристик от совершенно разных людей: от директора моей средней школы, моего социального работника штата Нью-Йорк, вдовы боксера Шугара Рэя Робинсона, моей приемной матери Камиллы, моего спортивного гипнотерапевта и шести моих

¹ Сантерия — синкретическая религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах; представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католицизма и африканскими синкретическими религиями.

подружек (а также их матерей), то есть от всех тех, кто вел учетные записи о том, каким я был истинным джентльменом в общении с ними. Одна из первых моих подруг из Катскилла написала судье даже так: «Я три года ждала, чтобы вступить с мистером Тайсоном в сексуальные отношения, и он ни разу ни к чему меня не принудил. Я люблю его за то, что он любит и уважает женщин».

Но, конечно же, Дон не был бы Доном, если бы он в очередной раз не переборщил. У него был преподобный Уильям Ф. Крокетт, Первый императорский церемониальный мастер Древнего арабского ордена благородных мистиков Храма Северной и Южной Америки¹, который ради меня написал письмо. Преподобный, в частности, писал: «Умоляю вас пощадить его и не лишать свободы. Хотя я не говорил с Майком со дня суда над ним, мне известно, что он больше не богохульствует и не сквернословит, ежедневно читает Библию, молится и закаляет душу». Конечно, все это было полной фигней. Он даже не знал меня.

Кроме того, было еще личное проникновенное письмо Дона в адрес судьи. После его прочтения могло сложиться впечатление, что я изобрел лекарство от рака, выработал план мира на Ближнем Востоке, а также спас от голодной смерти и излечил кучу больных котят. Он толковал о том, как я работал в благотворительном фонде «Загадай желание», навещая больных детей. Он сообщил судье Гиффорд, что каждый День благодарения мы раздавали нуждающимся и голодающим сорок тысяч индеек. А еще он вспомнил, как мы встретились с Симоном Визенталем², и я был так взволнован, что пожертвовал крупную сумму денег, чтобы помочь ему выслеживать нацистских военных преступников. Полагаю, Дон запомнил о том, что ку-клукс-клан ненавидел евреев так же сильно, как и негров.

На протяжении восьми страниц Дон пел мне дифирамбы. «Это весьма необычно для человека его возраста проявлять такую заботу о своем собрате, не говоря уже о глубоких чувствах ответственности и преданности делу, которые ему свойственны. Это богоподобные качества, благородные качества любви, жертвенности и бескорыстия. Он — дитя бога, он один из самых нежных, чутких, заботливых, любящих и понимающих людей, которых я когда-либо

¹ Древний арабский орден благородных мистиков Храма — североамериканское парамасонское общество, основанное в 1870 году.

² Симон Визенталь (1908—2005) — архитектор и общественный деятель, «охотник за нацистами»; посвятил все свои силы поиску нацистских преступников, скрывающихся от наказания.

встречал в течение двадцати лет своей работы с боксерами». Блин, Дон должен был бы выступать на суде с заключительным словом вместо моего адвоката. Однако Джон Сольберг, представитель Дона по связям с общественностью, в своем письме к судье Гиффорд сразу перешел к сути дела. «Майк Тайсон — не подонок», — констатировал он.

Возможно, я и не был подонком, но спесивым придурком — точно. Я был настолько самонадеян в зале суда во время судебного разбирательства, что у меня не было никаких шансов получить поблажку. Даже в момент вынесения приговора я не был смиренным. Все те вещи, о которых шла речь в этой бумаге — благотворительность деньгами и индейками, забота о людях, уход за слабыми и немощными, — все это я делал потому, что *хотел* быть таким смиренным, но вовсе не потому, что я *был* им. Я страстно хотел быть смиренным, но в моем теле не было ни единой смиренной косточки.

Итак, вооружившись всеми этими характеристиками, 26 марта 1992 года мы предстали перед судьей Патрицией Гиффорд для вынесения мне приговора. Настала очередь свидетелей, и Винс Фуллер вызвал Ллойда Бриджеса, исполнительного директора исправительного центра Риверсайд в Индианаполисе. Моя защита утверждала, что вместо реального тюремного срока мне можно было бы назначить условное наказание с отсрочкой исполнения. Для меня это означало бы испытательный срок в «доме на полпути»¹, где я должен был бы совмещать лечение с общественно-полезными работами. Бриджес, рукоположенный священнослужитель, как раз осуществлял такую программу, и он подтвердил, что я, безусловно, являюсь весьма подходящим кандидатом для его заведения.

Однако помощник прокурора вывела у Бриджеса, что недавно из его учреждения бежало четверо. А когда она вынудила священника признать, что его собеседование со мной было проведено в моем особняке в штате Огайо и что мы оплатили его авиаперелет, данная идея была обречена. Так что теперь вопрос заключался только в том, какой именно срок «судья-вешатель» мне впаяет.

И вот Фуллер подошел к судейскому месту. Для него было самое время соткать колдовство на миллион долларов. Вместо этого

¹ «Дом на полпути» — учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психических больных.

мы получили его привычную грошовую туфту. «О Тайсоне появилась масса дурных слухов. Газеты поливают его грязью. Не проходит и дня, чтобы в прессе не муссировались его недостатки. Это не тот Тайсон, которого я знаю, потому что на самом деле он чуткий, внимательный, заботливый человек. На ринге он может наводить ужас, но когда он покидает ринг, от этого не остается и следа». Это даже близко не лежало со словоизлияниями Дона Кинга, но это тоже было не так уж плохо. Если только не считать того, что в течение всего судебного процесса Фуллер изображал меня в качестве дикого зверя и неотесанного мужлана, падкого исключительно на сексуальные удовольствия.

Затем Фуллер сменил тему, принявшись расписывать мое нищее детство и мое знакомство с легендарным тренером по боксу Касом Д'Амато.

— Но в этом-то и заключается своего рода трагедия, — изрек он. — Ведь Д'Амато был сосредоточен только на боксе. Тайсон как человек отступал для него на второй план в его стремлении обеспечить Тайсону боксерскую славу.

Камилла, которая много лет была спутницей Каса, была оскорблена подобным заявлением. Фуллер словно помочился на могилу моего наставника Каса. Фуллер продолжал разглагольствовать, но его речь была такой же бессвязной, как и в течение всего судебного разбирательства.

Теперь настал мой черед обратиться к суду. Я поднялся и встал за трибуну. Я толком даже не подготовился, у меня не было никаких записей. Я лишь держал в руке нелепый листок бумаги того жреца вуду. И я знал только одно: я не собирался извиняться за то, что произошло в ту ночь в моем номере в отеле. Я уже принес извинения прессе, суду, другим конкурсанткам шоу «Мисс Черная Америка», на котором я познакомился с Дезире, но эти извинения не касались моих действий в гостиничном номере.

— Мое поведение было несколько бестактным, согласен. Но я никого не насиловал. Я даже не пытался сделать это. Я сожалею.

Я взглянул на Грега Гаррисона, моего прокурора и палача¹, и продолжил:

— Моя личная жизнь лишена свободы, она стала похожа на какой-то беспробудный кошмарный сон. Я уязвлен. И я здесь не для того, чтобы просить у вас снисхождения, мэж. Я уже готов к худше-

¹ В оригинале — игра слов, основанная на их созвучности: в переводе с английского языка *prosecutor* — «прокурор», *persecutor* — «преследователь», «гонитель».

му. Меня смешали с грязью, я опозорен на весь мир. Я опорочен в общественном мнении. И я просто счастлив, что еще кто-то меня все же поддерживает. Я готов справиться с тем, что вы мне определите.

Я сел за стол защиты, и судья задала мне несколько вопросов на тему о том, каким примером для подражания я являюсь для детей.

— Меня никогда не учили, как следует поступать со своим статусом знаменитости. Я не говорю детям, что надо стремиться быть Майком Тайсоном. Родители всегда являются лучшим примером для подражания, — ответил я ей.

Затем слово дали обвинению. Вместо деревенщины Гаррисона, который приводил доводы против меня в ходе судебного разбирательства, поднялся его босс, Джеффри Модисэт, прокурор округа Мэрион. Он десять минут распространялся насчет того, что мужчины, вкусившие богатства и славы, не должны пользоваться особыми привилегиями. Затем он зачитал письмо Дезире Вашингтон: «В ранний утренний час 19 июля 1991 года произошло посягательство как на мое тело, так и на мою психику. Я была физически подавлена до такой степени, что мне стало казаться, будто меня лишили самого сокровенного: моей личности. Взамен того, что было моими восемнадцатью годами, у меня теперь ощущение холода и пустоты. Я абсолютно не знаю, что ожидает меня впереди. Могу только сказать, что после того, как я была изнасилована, каждый день превратился для меня в борьбу: надо снова научиться доверять, улыбаться так, как я делала это раньше, и найти ту Дезире Линн Вашингтон, которая была украдена у самой меня и у тех, кто любил меня до 19 июля 1991 года. Что же касается той боли, которую причинил мне насильник, то бог даровал мне мудрость увидеть, что он психически болен. Хотя иногда я плачу, когда я вижу боль в своих глазах, я способна испытать сострадание к своему насильнику. Я всегда желала и продолжаю желать, чтобы он прошел реабилитацию».

Модисэт положил письмо и продолжил:

— Со дня вынесения ему приговора Тайсон пока еще не понес никакого наказания. И сейчас весь мир замер в ожидании: существует ли у нас хоть какая-то система правосудия. Следует признать, что проблема существует: надо исцелить этого больного человека. Майк Тайсон, насильник, не должен оставаться на свободе.

И затем в целях моего исцеления он предложил провести мне за решеткой от восьми до десяти лет.

Теперь настал черед Джима Войлеса говорить от моего имени. Войлес был местным адвокатом, нанятым Фуллером в качестве

юридического консультанта. Он был отличным парнем, отзывчивым, толковым и веселым. Это был единственный адвокат с моей стороны, с которым я ладил. Кроме всего прочего, он был приятелем судьи Гиффорд и южанином, который мог апеллировать к суду Индианаполиса. «Доверимся этому парню!» — предложил я Дону в самом начале судебного процесса. Войлес мог бы повернуть дело в мою пользу. Но Дон и Фуллер одурачили его: они не позволили ему сделать что-либо. Во время судебного разбирательства они не дали ему сказать ни слова. Джим был чрезвычайно расстроен. В разговоре с одним из друзей он назвал себя «самым высокооплачиваемым в мире пластиковым органайзером». Теперь он, наконец-то, смог выступить. Он горячо высказался за мою реабилитацию вместо тюремного заключения, но это была речь для глухих. Судья Гиффорд уже приняла для себя решение.

Она начала с комплиментов по поводу моей общественной деятельности, моего общения с детьми и моей «благотворительности». Но затем она разразилась напыщенными тирадами об «изнасиловании на свидании», подчеркнув, что питает отвращение к этому термину:

— Мы смогли обозначить, что, несомненно, можно осуществлять то, что вы намерены осуществить, если вы, четко осознавая последствия, назначаете женщине свидание. Закон дает очень четкое определение изнасилованию. Он нигде не упоминает, должны ли подсудимый и потерпевшая быть каким-либо образом связаны друг с другом. «Свидание» при изнасиловании на свидании ничуть не умаляет того факта, что изнасилование все-таки имело место¹...

Во время этой лекции мой ум блуждал неизвестно где. Произносимое не имело ко мне никакого отношения. Мы не были на свидании: это была, как сказал бы великий комик Билл Беллами, встреча ради секса. И этим все было сказано. Затем я, однако, вновь сосредоточился на происходящем.

— ...У меня складывается ощущение, что существует риск рецидива с его стороны в силу его отношения к этому, — сказала судья и уставилась на меня. — У вас нет ранее совершенных преступлений, вы наделены многими способностями. Но вы оступились...

Она сделала паузу и произнесла:

¹ Суть этой юридической казуистики в том, что понятие «свидание» подразумевает, что между встречающейся парой существуют романтические отношения, которые потенциально могут перерасти в сексуальную связь, но в случае изнасилования эти отношения не могут служить оправданием насильнику.

— ...По первому пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

«Е... ная сука!» — пробормотал я еле слышно. Я почувствовал, что впадаю в ступор. По этому пункту я обвинялся в изнасиловании. *«Блин, наверное, я выпил той самой особой воды вуду»*, — подумал я.

— ...По второму пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

Дон Кинг и мои друзья в зале суда громко ахнули. По этому пункту я обвинялся в использовании пальцев. Пять лет для каждого пальца.

— ...По третьему пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам...

А это — за использование языка. В течение двадцати минут. Это был, вероятно, мировой рекорд по самому продолжительному кундалингу, осуществленному во время изнасилования.

— ...Наказания будут исполняться одновременно, — продолжала судья. — Я налагаю на вас максимальный штраф в тридцать тысяч долларов. Я сокращаю срок исполнения наказания на четыре года, определяя для вас четырехлетний испытательный срок. В течение этого времени вы будете выполнять психоаналитическую программу доктора Джерома Миллера и отрабатывать сто часов общественно полезных работ, включая воспитательную работу среди молодежи по борьбе с правонарушениями.

Вскочил Фуллер и заявил, что мне должна быть предоставлена возможность быть отпущенным под залог на то время, пока Алан Дершовиц, известный адвокат, не подготовит мою апелляцию. Дершовиц сидел тут же в зале суда, наблюдая за вынесением приговора. После Фуллера слово взял Гаррисон, это ковбойское быдло. Позже многие утверждали, что я стал жертвой расизма. Но я думаю, что Модисэт и Гаррисон действовали так скорее ради блеска славы. Их, действительно, не интересовал результат судебного процесса, они просто жаждали увидеть свои имена в прессе и называться «большими шишками».

Итак, поднялся Гаррисон и заявил, что я являюсь «преступником, виновным в изнасиловании, склонным к насилию и способным повторно совершить преступление. Если не удастся препроводить подсудимого в место лишения свободы, мы тем самым умалим серьезность преступления, дискредитируем правоохранительную деятельность, подвергнем опасности других невинных людей и позволим виновнику продолжить свой преступный образ жизни».

Судья Гиффорд согласилась. Никакого освобождения под залог. Это означало, что я направлялся напрямик в тюрьму. Гиффорд уже была готова ударом молотка объявить дело закрытым, когда в зале суда возник переполох. Дершовиц защелкнул свой портфель и бросился вон из зала, бормоча: «Я все-таки позабочусь о том, чтобы свершилось настоящее правосудие». Возникло некоторое замешательство, затем судья грохнула своим молоточком по столу. Все было решено. Подошел шериф округа, чтобы взять меня под стражу. Я встал, отстегнул часы, снял ремень и передал их Фуллеру вместе с бумажником. Две мои подруги в первом ряду плакали навзрыд. «Мы любим тебя, Майк», — рыдали они. Камилла поднялась и направилась к столу защиты. Мы обнялись на прощание. Затем шериф вывел Джима Войлеса и меня из зала суда через заднюю дверь.

Они повели меня вниз, в участок для регистрации арестованных. Там меня обыскали, сняли отпечатки пальцев и сфотографировали. Снаружи была толпа репортеров, подстерегавших меня вокруг автомашины, в которой я должен был отправиться в тюрьму.

— Когда выйдем, прикройте наручники плащом, — посоветовал мне Войлес.

Он серьезно? Оцепенение постепенно покидало меня, уступая место гневу. Неужели мне должно быть стыдно показаться в наручниках? Это был знак почета.

Если бы я скрыл свои браслеты, я был бы сукой. Джим думал, что утаивание наручников должно избавить меня от чувства стыда, но именно *это* и явилось бы позором. Все должны были видеть меня с этим железом на руках. Нах... и всех остальных! Те, кто понимает меня, должны были увидеть меня с этими железяками. Я собирался пройти школу мужества.

Мы вышли из здания суда и направились к машине. Я гордо держал свои наручники высоко поднятыми. И я ухмылялся, как бы говоря: «Вы верите в это дерьмо?» Эта фотография была на первых страницах газет всего мира. Я сел в полицейскую машину, и Джим протиснулся рядом со мной на заднее сиденье.

— Ну что, деревенщина, теперь только ты и я, — пошутил я.

Нас привезли в диагностический центр, чтобы определить, в тюрьму какого уровня безопасности¹ меня направить. Они раздели меня донага, заставили наклониться и произвели досмотр полостей тела. Дали мне что-то, похожее на дерьмовую пижаму и шлепанцы. И затем меня отправили в Молодежный центр в Плэй-

¹ В США пенитенциарные учреждения имеют уровни безопасности от 1 до 4.

нфилде, штат Индиана, заведение для правонарушителей второго и третьего уровня.

К тому времени, как я добрался до конечного пункта назначения, я был просто взбешен. Я собирался показать этим ублюдкам, как надо мотать срок. Я был намерен делать это по-своему. Это смешно, но мне потребовалось немало времени, чтобы осознать, что та маленькая белая женщина-судья, которая отправила меня в тюрьму, возможно, спасла мне жизнь.

ГЛАВА 1

У нас были терки с парнями, которые называли себя «Пумами». Шел 1976 год, я жил в Браунсвилле, Бруклин, а эти ребята обитали по соседству. В то время я водился с компанией с улицы Ратленд-роуд, которые звались «Кэтс», шайка пацанов-латиносов из близлежащего района Краун-Хайтс. Мы совершали кражи со взломом, и у некоторых наших криминальных приятелей были стычки с «Пумами», поэтому мы пошли в парк поддержать их. Обычно мы не имели дела с оружием, но это были наши хорошие друзья, так что мы украли кучу разной фигни: какие-то пистолеты, 357-й «магнум» и винтовку «М1» со штыком времен Первой мировой войны. Никогда не знаешь, на что наткнешься, когда грабишь какой-нибудь дом.

Итак, мы шли по улице со своим оружием, и никто не наезжал на нас, и не было видно копов, готовых остановить нас. У нас даже не было сумки, чтобы положить туда винтовку, так что мы просто несли ее по очереди, меняясь через несколько кварталов.

— Эй, вон он идет! — сказал мой друг Рон-Гаитянин. — Парень в красных кроссовках «Пума» и с красным воротником.

Рон заметил парня, который был впереди нас. Когда мы рванули, огромная толпа в парке расступилась, словно Красное море перед Моисеем. И хорошо, что они это сделали, потому что, бах, один из моих приятелей выстрелил. Все заметались, услышав выстрел.

Мы продолжали идти, и я понял, что некоторые из «Пум» укрылись между машинами, припаркованными на улице. Винтовка была как раз у меня, и, быстро обернувшись, я увидел здоровяка с направленным на меня пистолетом.

— Что, е... твою мать, ты здесь делаешь? — спросил он меня. Это был мой старший брат Родни. — Выметайся отсюда к е... нам собачим!

И я пошел, куда мне было велено. Выйдя из парка, я отправился домой. Мне было десять лет.

* * *

Я часто повторяю, что в своей семье я был паршивой овцой. Но когда я размышляю над этим, я понимаю, что на самом деле я был весьма смирным ребенком большую часть своего детства. Я родился в больнице «Камберленд» в бруклинском районе Форт-Грин, Нью-Йорк, 30 июня 1966 года. Мои самые ранние воспоминания связаны с больницей: я постоянно болел в связи со слабыми легкими. Однажды, чтобы привлечь внимание, я сунул палец в какой-то септик для канализации, а затем облизал его. Понятное дело, меня притащили в больницу. Я помню, как моя крестная подарила мне игрушечный пистолет, когда я там лежал, но подозреваю, что я его сразу же сломал.

Я не так много знаю о своих семейных корнях. Моя мать, Лорна Мэй, был жительницей Нью-Йорка, но родилась она на юге, в штате Вирджиния. Мой брат однажды съездил на юг, чтобы побывать в местах, где выросла мама. Он сказал, что там не было ничего, кроме стоянок для жилых автоприцепов. То есть я на самом деле ниггер со стоянки для жилых автоприцепов. Моя бабушка Берта и моя двоюродная бабушка работали на одну белую леди еще в тридцатые годы, когда большинство белых не взяли бы к себе на работу черных, и Берта с сестрой были ей настолько признательны, что обе назвали своих дочерей Лорна — в честь той белой леди. На деньги от той работы Берта смогла послать своих детей на учебу в колледж.

Возможно, я получил семейный нокаутующий ген от своей бабушки. Двоюродная сестра моей матери Лорна рассказала мне, что муж в той семье, на которую работала Берта, поколачивал свою жену, и Берте это не нравилось. А Берта была крупной женщиной.

— Не вздумай тронуть ее, — сказала она ему как-то.

Он воспринял это как шутку. Тогда она вlepила ему кулаком так, что он брякнулся на задницу. На следующий день, встретивши Берту, он поинтересовался: «Как поживаете, мисс Прайс?» Он перестал бить жену и стал другим человеком.

Моя мама всем очень нравилась. Когда я родился, она работала кастеляншей в женском следственном изоляторе в Манхэттене и одновременно училась на преподавателя. Она уже три года обучалась в колледже, когда познакомилась с моим папой. Он заболел, и ей пришлось бросить учебу, чтобы ухаживать за ним. Для образованного человека она не очень хорошо разбиралась в мужчинах.

О семье своего отца я знаю немного. На самом деле, я практически ничего не знаю о своем отце. Или о том человеке, который,